

Е. Голова

ПОЛИНА АНДРЕЕВНА БОРОЗДИНА: ВОСТОЧНАЯ МОЗАИКА СУДЬБЫ

«Жедавно у Шкловского я прочитала: "Счастлив тот, кто до смерти не теряет интереса к познанию". Мне уже скоро 90 лет, а мне до сих пор хочется узнавать все больше и больше нового. Я знаю, что нельзя обятье необъятное, но все равно хочется все больше и больше».

Эти слова принадлежат Полине Андреевне Бороздиной, удивительной женщине с очень интересной судьбой. Если представить ее по всей форме — кандидату филологических наук, доценту ВГУ, бывшему декану филологического факультета, супруге выдающегося историка профессора Ильи Николаевича Бороздина. Ее жизненный путь очень долг и витиеват, но она и сейчас может вспомнить все повороты на нем. А виражи закладывались порой невероятные. На разных его отрезках она была и школьной учительницей, и военруком, преподавателем детской литературы, наконец — литературы народов СССР, но всегда, во все времена она трудилась для того, чтобы давать другим людям знания. И сама получала эти знания всюду, где это было возможно. Таков был ее путь к счастью — и она идет по нему до сих пор.

Судьба Полины Андреевны, как яркая восточная мозаика, складывается из интереснейших эпизодов, маленьких частей, историй, отчасти похожих на легенды. С чего же все начиналось?

С того, как маленькая Полина Дашкова, которой едва исполнилось 10 лет, провела свой первый урок в школе среди своих сверстников, замешая уехавшую из их деревни учительницу. Не просто провела, а взяла полную нагрузку и ответственность за знания своих подопечных и, говорят, вела у них уроки еще целый месяц, пока не приехала другая учительница. И в этом не было тогда ничего удивительного — ведь в семье Дашковых, где девять из десяти детей

стали учителями, тяга к знаниям носилась в воздухе. Отец, Андрей Николаевич, тоже приложил к этому свою руку — он «гонял» младших по историческим датам, рассказывал им про события былых времен, прививал им глубокий интерес к истории с самого детства. В такой обстановке Полина Андреевна и помыслить не могла о другой судьбе, кроме учительской, к этому лежало ее сердце, и к моменту поступления в Касымовский педагогический техникум была уже почти готовым учителем, которому не хватало только достаточного количества знаний.

Еще историю? После техникума Полина Андреевна отправилась учить детей в маленький аул в Туркмении. Отправилась по путевке

П. А. Бороздина, 1986 год.
Фото Олега Полехина

Наркомпроса и призыву комсомольской организации. Ехала, не зная ни слова по-туркменски — туда, где, как ей казалось, будет труднее. Тому, кто не поймет ее, Полина Андреевна без труда объяснит, почему она поступила именно так — ведь у ее поколения был свой герой, свой символ.

«Мое поколение все находилось под влиянием Павки Корчагина из “Как закалялась сталь” Николая Островского, — говорит Полина Андреевна. — Это была наша Библия. Мы строили свою жизнь по Павке Корчагину. Все по-разному — кто-то более серьезно, кто-то менее, но в любом случае это было огромное мобилизующее влияние, нравственное воздействие. Мы точно усвоили: если надо — значит надо. И в особенно трудные моменты моей жизни я, бывало, мысленно одергивала себя: “Ну чего ты расклеилась? Думаешь, Павке Корчагину было легко?”».

В том ауле, где по-русски понимали всего несколько человек, действительно оказалось очень непросто, но Полина Андреевна с огромной храбростью, терпением, руководствуясь по большей части своим тонким чутьем и интуицией, учila своих учеников языку и постепенно, потихоньку научила. Туркменские ребятишки, не имеющие представления о русском языке, начали говорить на нем. Тот класс она вспоминает и сейчас — как самый родной, самый любимый. Так Полина Андреевна справилась с первым испытанием своих сил. А сколько их будет еще впереди...

Она продолжала преподавать в школе и когда началась война. Вспоминает, что было голодно, что очень страшно было слушать сообщения об отступлении советских войск. И как очень важный для себя момент отмечает выступление по радио И. В. Сталина 3 июля 1941 года — как раз тогда, когда ходили слухи, что он покинул Кремль. Это был тот самый необходимый элемент, которого тогда так не хватало людям, который возродил надежду и веру в победу, дал силы бороться. И Полина Андреевна тоже рвалась в бой — так в числе других желающих оказать помощь она оказалась в Ашхабаде, где из нее за два месяца сделали военрука. А в школе, куда ее отправили реализовывать полученные знания, снова проявился ее необыкновенный учительский талант — она рассказывает, что даже самые неугомонные ученики ходили за ней по пятам и впитывали знания как губка, настолько интересно она подавала материал. Она ко всем сумела найти правильный подход и удержала ребят, рвавшихся сбежать на фронт, от гибельного решения. Параллельно она училась

на заочном отделении педагогического института в Ашхабаде, и обязанности военрука успевала совмещать с работой завуча в той же самой школе. Ее молодой энергии хватало на все.

Но хотелось больше — и Полина Андреевна приняла судбоносное решение, за которым последовала очередная в ее судьбе история-легенда. Она решила поступить в Ашхабадский педагогический институт на дневное. Но, как выяснилось, одного желания здесь оказалось мало: в Чарджоуском облоно ей отказали, так же поступили и в Наркомпросе — посчитали, что и заочного обучения для нее будет достаточно. Она безуспешно боролась за свое право получать знания, а когда совсем уже отчаялась, о ее беде случайно узнал заместитель директора института Владимир Несторович Лашак. Кто знает, как сложилась бы дальше судьба Полины Андреевны, если бы в нее не вмешался этот влиятельный человек. Но он вмешался — и предложил ей вариант: она сможет учиться, если возьмет на себя обязанности заведующей библиотекой института. Жажда знаний победила страх перед незнакомым делом и серьезной ответственностью, которую оно предполагало. Впрочем, ответственность Полина Андреевна всегда брала на себя смело. Цель была достигнута — она начала учиться в институте.

Там Полина Андреевна всерьез, страстно увлеклась туркменской литературой. Она начала постигать философию Востока, красоту и образность восточной поэзии. В институте ей преподавали прекрасные специалисты, представлявшие, кроме всего прочего, диаметрально противоположные точки зрения на национальную литературу. Это были Баймухаммед Каррыев, восторженно относившийся к литературному наследию родной страны, и поэт Аман Кекилов, который, признавая значимость туркменской литературы, не считал, однако, возможным поставить ее на одном уровне с мировой. Студентам же представлялась прекрасная возможность решить для себя, чья точка зрения кажется им более верной. Полина Андреевна первоначально приняла сторону Каррыева — ей туркменская литература тоже казалась необыкновенной. Но этот факт она сама связывает не с талантами преподавателя, а с еще одним удивительным, овеянным поэзией эпизодом в ее жизненной мозаике. Дело было так: летом 1942 года разлилась Амударья, и Полина Андреевна вместе с другими учительницами помогала спасти от наводнения урожай пшеницы. Короткие, едва созревшие колоски вырывали из земли

с корнем, чтобы не терять драгоценное время. Работали по ночам — днем жара была невыносимой. И вот в одну из таких ночей к работающим учительницам подошел молодой демобилизованный туркмен и предложил развлечь их дестаном (так называется народная любовно-приключенческая песня-роман). Он выбрал один из самых популярных дестанов «Саят и Хемра», фабулу кратко пересказал своим слушательницам по-русски, а лирические рифмованные монологи и диалоги пропел. Эта песнь, прозвучавшая под звездами в ту ночь, так поразила Полину Андреевну своей красотой и необычным поворотом сюжета, что дальнейшая заинтересованность в изучении национальной литературы была определена — хотя бы подсознательно. И даже потом, когда изучение творческого наследия разных народов стало основой ее серьезной работы, туркменская литература все равно осталась самой близкой и любимой, как нечто, запавшее глубоко в душу.

Из таких разноцветных кусочков, ловко складывающихся в общую картину, и составляется история Полины Андреевны с ее отношением к знаниям, с ее желанием помочь другим. Не каждый может похвастаться таким количеством своих собственных легенд. Но среди них, удивительных, но при этом логичных, есть совершенно особенные — те, которые не объяснишьrationально. Такой является история знакомства Полины Андреевны с ее будущим мужем — профессором Ильей Николаевичем Бороздиным. Произошло оно в тот день, когда до Ашхабада долетела восторженная весть о взятии Берлина солдатами Красной армии. Но еще до того, как узелки судьбы окончательно связались, с Полиной Андреевной происходили невообразимые вещи, непосредственно связанные с этой судьбоносной встречей. В своей книге воспоминаний «От аула до университетской кафедры», вышедшей в 2003 году, она пишет: «...некое странное явление я и теперь не могу объяснить. Как только кто-нибудь начинал активно проявлять ко мне знаки внимания, мне тотчас же снился один и тот же сон, который я никак не связывала с чужим для меня и далеким профессором. Этот сон снился мне на протяжении приблизительно двух лет. Мне снилось, что я иду по разлившейся Амударье, мне жарко, хочется пить, но вокруг соленая гнилая вода, какие-то жалкие кустики и много всякой нечисти: жаб, змей, пауков. Я наклоняюсь к воде и слышу чей-то незнакомый голос: “Не пей. Иди прямо, прямо”. В ночь перед взятием Берлина и знакомством с Ильей

Николаевичем я увидела этот сон по-другому. Мне снилось, что я вышла к чистому глубокому озеру. Сияло солнце, ласково светился песок, и тот же голос приказал: “Теперь пей, сколько хочешь”. Я наклонилась и из пригоршни напилась вкусной холодной воды. Вкус ее я чувствую и сейчас. Последний сон я запомнила, связав его с долгожданным окончанием войны».

Он был намного, почти на 40 лет, старше нее. Археолог, востоковед, русист, литературный критик, признанный специалист в области всеобщей истории — целая «Академия наук в одном лице». Его учителями были выдающиеся ученые В. О. Ключевский, М. М. Ковалевский, В. В. Виноградов. Потомственный дворянин и необыкновенно цельный образованный человек, Илья Николаевич прошел и ссылку, и ГУЛАГ, и сумел вернуться оттуда, не потеряв себя.

Он первым заметил Полину Андреевну на митинге в честь взятия Берлина, где она произнесла вдохновенную речь, разглядел в ней способного, неравнодушного к знаниям человека и сам предложил заниматься под его началом. Он был строгим и требовательным учителем, который учил своих студентов думать, ставить перед собой цели, самим собирать материал и анализировать его. С Полиной Андреевной он был так же беспощаден в плане обучения и требовал от нее самых высоких результатов. Но при этом он умел быть настолько корректным, что его ученики никогда не чувствовали себя униженными после выговоров — напротив, в них пробуждалось желание действовать и сделать лучше, чем было. У Ильи Николаевича Полина Андреевна учились быть дисциплинированной, организованной, точной.

Попутно они стали ходить вместе в театр, на концерты, интересные встречи, много разговаривали. «Чем я больше узнавала Илью Николаевича, тем яснее понимала его уникальность, превосходство над всеми, кто встречался мне в жизни, — пишет Полина Андреевна. — Его ум, культура, человеческое обаяние, доброта при внешней суровости, благородство души все больше покоряли меня». Постепенно она ясно осознала, что этот человек — ее судьба. 25 января 1946 года они поженились.

Полина Андреевна продолжала учиться у него — постоянно, в том числе и вне института. «Рядом с таким человеком невозможно быть, ничего не перенимая», — говорит она. Он прекрасно разбирался в вопросах истории, литературы, очень хорошо знал театр и любил его. Под таким мощным стимулирую-

Полина Дацкова, Туркмения, 1940 год

П. А. Бороздина, Ашхабад, 1947 год

П. А. Бороздина, Воронеж, 1950 год

П. А. Бороздина, Воронеж,
дом на Театральной, 1950-е годы

П. А. Бороздина, Воронеж, начало 1950-х годов

Г. С. Эрдели, П. А. Бороздина, Л. Е. Кройчик,
Воронеж, 7 ноября

П. А. Бороздина читает лекцию, лето 1965 года

П. А. Бороздина с поэтом А. М. Арго,
Малеевка, Дом творчества

П. А. Бороздина, май 2001 года

шим влиянием Полина Андреевна постепенно перестраивалась на новый, более серьезный уровень познания.

Вместе они пережили страшное ашхабадское землетрясение в 1948 году. Город лежал в руинах, очень много людей погибло. Бороздины предлагали уехать, им было дано на то разрешение, но Илья Николаевич не счел возможным покинуть город до тех пор, пока не была налажена работа института, в котором он преподавал — настолько сильно в нем было чувство долга перед своими студентами. Только после того как заработала кафедра истории и студентыозвели для занятий времянку взамен разрушенного корпуса, Бороздины отправились из Ашхабада в другой город, который стал впоследствии конечным пунктом их пути. Они уехали в Воронеж.

«От одних развалин к другим» назвала Полина Андреевна этот переезд. Город восстанавливался после войны. Илья Николаевич сразу же включился в работу ВГУ, после сдачи кандидатского минимума к нему присоединилась и Полина Андреевна. Сложно переоценить вклад, который внесла чета Бороздиных в развитие Воронежского государственного университета. Илья Николаевич,уважаемый всеми профессор, возглавлял кафедру всеобщей истории, Полина Андреевна долгое время была деканом филологического факультета. Он написал огромное количество статей по вопросам истории, она создала единственный в своем роде курс по истории литературы народов СССР, объединивший ряд спецкурсов по национальным литературам. Он представлял собой уникальную, стоящую на порядок выше средних ученых фигуру, ей удалось одной заменить пятерых преподавателей по своему предмету. Он учил ее учиться, она дарила ему свою любовь и заботу. В Воронеже Бороздины смогли жить и работать, хотя ссыльное прошлое Ильи Николаевича еще некоторое время не давало им расслабиться вплоть до реабилитации в 1955 году. Но они пережили и это. С 1956 года начинается спокойный и полный творческих контактов период.

Полина Андреевна признается, что годы, когда они были вместе, были самым счастливым временем в ее жизни. Это были годы интенсивного духовного роста, годы познания. Она была способной ученицей, а муж дал ей метод эффективного усвоения получаемых знаний. Кроме того, они постоянно вращались

в кругах интереснейших, образованнейших людей. Среди них были академики, народные артисты, дипломаты, литературоведы, историки — друзья, коллеги и ученики Ильи Николаевича. Общение с таким количеством интересных людей естественным образом накладывало свой отпечаток и на Полину Андреевну, давало ей стимулы для активного развития.

У них в доме было огромное количество книг, поданных Илье Николаевичу лично авторами — и какими авторами: С. Есенин, А. Блок, А. Белый, М. Волошин, В. Гиляровский — весь Серебряный век дремал в книжных шкафах Бороздиных. Были и книги, подписанные Полине Андреевне. Такую, например, оставил ей Корней Чуковский, с которым она познакомилась в Доме творчества в Переялкино и с которым долгие годы дружила. В такой обстановке остановить стремление к новым знаниям было, разумеется, невозможно — оно рождалось как естественное желание, как разумная жизненная потребность... После смерти Ильи Николаевича более 4 000 книг, в том числе и с автографами, отправились в университетскую библиотеку, но их дух до сих пор наполняет квартиру в легендарном «профессорском» доме № 19 по ул. Театральной, где Полина Андреевна все так же живет.

Стены квартиры Бороздиных по-прежнему заполнены книжными полками, а в кабинете Ильи Николаевича многое сохранилось в том же состоянии, в каком было при его жизни. В этом кабинете лежат бумаги и висят портреты его учителей. Здесь он часто проводил занятия со своими учениками — традиция, которую потом переняла у него Полина Андреевна. Здесь сохранилось ощущение времени, истории, здесь же уже давно живут принесенные Полиной Андреевной истории-легенды ее жизни. В этом доме две такие разные судьбы переплелись — и остались навсегда.

Дом Полины Андреевны, всегда полный гостей при Илье Николаевиче и в годы ее активной деятельности, не пустует и сейчас. К ней в гости заходят ее ученики (сколько у нее их было за полвека!), люди, которым интересны ее работы, другие, очень разные, посетители. На пороге ее 90-летия уже сейчас можно предположить, что ее телефон будет разрываться от звонков с поздравлениями. Она правильно сложила свою мозаику — и то, как люди тянутся к ней, как интересна она как человек, прямое тому доказательство.